

Научная статья

УДК 811'161.1'276'38

DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-175-194

Об ограничениях на предикат при местоимении я

Елена Валерьевна Маркасова

Пекинский университет
Пекин, Китай

markasovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9231-1476>

Аннотация

Ограничения по отношению к предикатам при местоимении *я* принято объяснять либо наличием в семантике предиката негативной коннотации, либо невозможностью совмещения автоописания *Я* и позиции внешнего наблюдателя, характеризующего действие или свойство субъекта. Однако в современном русском языке произошли изменения, которые позволяют говорить о снятии ограничений на предикат или — скажем более осторожно — ослаблении строгости этих ограничений. Ограничения на предикат часто игнорируются: распространяется использование при местоимении *я* глаголов и прилагательных, которые прежде считались аномальными в этой позиции. Ситуация развивается в связи с изменениями в практиках самоидентификации и самопрезентации и распространением новых речевых жанров (интервью и собеседование при приеме на работу, резюме, CV и др.). То, что раньше было возможно и нормативно в режиме нарратива или гипотаксиса, в XXI веке стало возможно в живой речи, в высказываниях от первого лица. Эти новые факты необходимо осмыслить как часть истории синтаксического поведения местоимения *я*.

Ключевые слова

предикат, местоимение, *Я*-сфера, самопрезентация, самоидентификация, прагматика

© Маркасова Е. В., 2026

Для цитирования

Маркасова Е. В. Об ограничениях на предикат при местоимении я // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 175–194. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-175-194

On the limitations of the predicate in the pronoun *Ya*

Elena V. Markasova

Peking University
Beijing, China

markasovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9231-1476>

Abstract

The purpose of the study is to check whether the grammatical and pragmatic restrictions on the use of predicates with negative connotation and semantics of external observation in the pronoun *Ya*, described in the 1980s, have been preserved in modern Russian.

Long periods of turbulence in the life of society and crises of mass and personal identity had a number of consequences for different areas of language functioning. The increasing importance of self-reflection, the emergence of a fashion for positive self-presentation, the coarsening of speech, the revision of the previous attitude to modesty as a positive personality quality, as well as the mass fascination with psychology led to the weakening of these restrictions.

Russian language materials include examples from the National Corpus of the Russian Language (the oral subcorpus and the “Social Networks” subcorpus), the General Internet Corpus of the Russian Language, as well as data from live speech and popular culture.

An analysis of the cases of “I’m gloomy” and “I’m showing off” confirms the hypothesis. Predicates that were previously considered abnormal in the canonical situation are now actively used in speech. This is due to shifts in the Self-concept: the spread of self-observation practices, the legitimization of demonstrative behavior, and a focus on positive self-characterization. Thus, changes in mass psychology and discursive practices expand the possibilities of using predicates in the pronoun *Ya*, which were previously considered undesirable.

Keywords

predicate, pronoun, I-sphere, self-presentation, self-identification, pragmatics

For citation

Markasova E. V. On the limitations of the predicate in the pronoun *Ya*. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2026, no. 1, pp. 175–194. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-175-194

Введение

В традиционной лингвистике глаголы, употребление которых в форме первого лица единственного числа недопустимо или сомнительно, рассматривались в рамках проблематики изучения глаголов с неполной личной парадигмой [см. обзор: Гурин, 2000]. Эти глаголы постоянно привлекают внимание исследователей, поскольку теоретически возможно образование любой формы от любого глагола, но в действительности есть много причин и условий, которые затрудняют употребление некоторых личных форм. Наиболее полными представляются количественные данные и общие сведения о причинах отсутствия форм 1 л. ед. ч., изложенные Г. Б. Гуриным. «Глаголы с лексико-семантическими причинами ограничения личной парадигмы в словарях помечаются „1 и 2 лицо не употр.“ (СОШ) или „S не лицо“ (РГ). Их количество — 3417, или 94,1 % от общего числа ГНЛП. Если учитывать только количество глагольных словарных гнезд, то есть видовые корреляты принимать за одну единицу, то количество ГНЛП этого типа будет 1929» [Гурин, 2000, с. 70]. Автор описывает и лексико-семантические, и прагматические условия, способствующие преодолению дефектности личной парадигмы (образное употребление типа «я зыблюсь, я светаю», языковая игра, ирония, парные реплики, частица «не» и др.).

Первые работы, посвященные новым аспектам исследования предикатов, появились в конце 1970-х гг. Именно открытие фигуры наблюдателя можно назвать революцией в изучении ограничений на предикат при местоимении я [Апресян, 1974; Падучева, Зализняк, 1982; Падучева, 1985, 2008, 2011]. В описании этих ограничений ключевыми стали понятия: говорящий, наблюдатель, каноническая/неканоническая речевая ситуация, нарративный режим, гипотаксис. При описании ограничений на предикат в классических работах существенным было именно разграничение неканонической и канонической речевой ситуации, в которой «говорящему обеспечен синхронный адресат, находящийся в том же месте и в зоне видимости» [Падучева, 2011, с. 3]. Тезис о несовместимости позиции

говорящего и позиции наблюдателя в ряде случаев (типа *я выпендриваюсь*) подтверждается и данными о нежелательности отрицательной самооценки в автохарактеристиках. Написанные позже работы Б. Ю. Нормана о безусловно положительном отношении к своему Я [Норман, 2017, с. 23] дополняют общую картину ограничений на предикат. После написанной в 1962 году, переведенной на русский язык в 1985 году работы З. Вендлера в анализе примеров, которые демонстрируют возможность использования глагола в форме первого лица единственного числа, принято учитывать вероятность иллокутивного самоубийства или репутационных потерь говорящего [Вендлер, 1985].

Социальные катаклизмы, политические кризисы, психологические потрясения нашего времени естественным образом отражаются в языке. В гуманитарных науках появляется «Я-проблематика» и «Я-сфера» становится зоной пересечения интересов традиционной грамматики, прагматики, коммуникативистики, литературоведения, философии, психологии [Леонгард, 2000; Михайловский, 2012; Аникин, 2021]. В поэтике и философии литературы постмодернизма рассматривается «момент „двойного присутствия“» и «ситуация неравенства субъекта самому себе» [Курицын, 2000, с. 175]. Именно категории, связанные с субъектностью, находятся в центре рефлексии автора — нашего современника. Существенный вклад в изучение Я-проблематики внесли исследователи языка современной литературы, показавшие, что игнорирование грамматических норм обусловлено способностью языка передавать сложные процессы, происходящие в сознании человека.

Признание связи философской проблематики субъекта с категорией лица, семантикой предикатов и типами синтаксических конструкций [Проблемы..., 2013, с. 96] заставляет вернуться к теме ограничений на предикат. Какие бы изменения ни происходили — в лексике, в семантике, в грамматике, в коммуникативных практиках — все они происходят вследствие трансформаций в мироощущении множества индивидуумов, а поскольку центр коммуникации — Я говорящего, то приходит в движение всё, что связано с местоимением я.

Сложившаяся традиция описывать достижения предшественников, располагая материал на основе либо хронологического принципа, либо проблемно-ориентированного подхода, имеет в пресуппозиции аксиому поступательного движения научной мысли и преемственности поколений в науке. Эта традиция незыблема, но часто при чтении лингвистических

работ из нашего поля зрения выпадает простой факт: работа написана в конкретный исторический период, для которого были характерны свои нормы, своя мода, свой круг чтения — просто иное состояние языковой системы. Современный русский язык, на котором говорили, писали и думали в 60-е — 80-е годы, отличается от современного.

Мы предположили, что изменения в жизни общества и индивидуума и, следовательно, в дискурсивных практиках могли повлиять и на функционирование описанных Е. В. Падучевой случаев ограничения на предикат. В центре нашего внимания только два случая: «я мрачный» и «я выпендриваюсь». Их объединяют ограничение на негативные коннотации при автохарактеристике и ограничение, обусловленное позицией наблюдателя [Падучева, 1985, с. 136–142; Падучева, 2008, 2011; Вольф, 1982]. Оба примера упоминаются в классических работах как недопустимые (*) или сомнительные (?). Первые их описания в таком качестве относятся к началу 1980-х годов, но, по нашим наблюдениям, ситуация в современном русском языке существенно изменилась и эти предикаты изменили свой статус. Их можно услышать в живой речи, увидеть в онлайн-переписке, в разных жанрах массовой культуры.

В статье использованы примеры из НКРЯ (Устный подкорпус и подкорпус «Социальные сети») и ГИКРЯ, а также примеры из анекдотов и живой речи, оформление которых не может быть единообразным: в некоторых случаях автор указан, в некоторых — нет (это касается реплик, записанных в транспорте или в учреждениях).

Я мрачный

Рассматривая прилагательное *мрачный*, Е. В. Падучева пишет об оценке наблюдателем, в связи с чем возможно *Она сегодня мрачная*, но не допускается **Я сегодня мрачная*. Применительно к этому прилагательному работают 1) фактор «присутствия внешнего наблюдателя или субъекта сознания» [Падучева, 2008, с. 373]¹, качество не может наблюдаться или диагностироваться самим говорящим (человек выглядит мрачным), и 2) фактор негативной оценки. [Вольф, 1982, с. 43]. Оценочность любого

¹ URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/slavisty_2008.pdf (дата обращения: 20.11.2022), с. 2.

прилагательного подразумевает наличие «эмотивности», или отношения субъекта к объекту, которое может и вовсе не зависеть от того, какие свойства имеет объект. К этим наблюдениям имеет смысл добавить и описанный Б. Ю. Норманом феномен положительного отношений к Я-сфере [Норман, 2017].

В ряде канонических речевых ситуаций «говорящий выполняет роль Наблюдателя, он не может одновременно быть объектом наблюдения (своего же, причем издали)» (Падучева). В условиях нарратива или гипотаксиса и в контексте отрицания ограничения могут сниматься. «Так, фразы *Я не ворчу, Я не выпендриваюсь* нормальны как возражение на чье-то обвинение» [Падучева, 1985, с. 141].

В нашем материале есть три типа примеров: из литературы и кино, из интернет-переписки, из живой речи.

В художественных текстах при местоимении *я* встречаются предикаты *алчный, аморальный, безвольный, бездарный, безобразный, бессердечный, бесхарактерный, вульгарный, гадкий, грешный, дрянной, дурной, жадный, злопамятный, инфантильный, капризный, ленивый, малодушный, мнительный, неблагодарный, невнимательный, некрасивый, неприятный, непутевый, неразумный, ничемный, ничтожный, никудышный, очумелый, обалделый, ошалелый, подлый, пошлый, порочный...* [Маркасова, 2023].

Наличие негативной оценки *Я* в этих случаях, кажется, не противоречит концепции Е. В. Падучевой, поскольку все они относятся к неканонической речевой ситуации. Диалог в художественном тексте — только описание живого диалога, однако игнорировать эти примеры нельзя. Речь литературных героев, с одной стороны, передает приемы, узнаваемые носителем языка, и, с другой стороны, оказывает влияние на речевое поведение читателей.

Перечисленные прилагательные прагматически разнородны: могут маркировать либо реально низкую самооценку, либо виктимную жизненную стратегию, либо сложные типы манипулирования: признание «вины» с целью избежать ответственности, игровое провоцирование адресата на комплименты, форма извинения и пр.

Все ограничения стираются, если прагматическая установка говорящего — сделаться центром внимания участников (или очевидцев) диалога, подобно героине фильма «Покровские ворота» (1982): «*Я вся такая несуразная, вся угловатая такая... Такая противоречивая вся!*» Привлечение внимания и реакция зрителей достигаются моментально. Все три

характеристики основаны на оценке со стороны, но выражены говорящим. Это мимикрия: я думаю, что так выгляжу сейчас, поэтому опережаю адресата, который меня такой видит и который может так оценить мое поведение. Таким образом я обеспечиваю себе право на описание ситуации. Другой прецедентный текст — цитата из ставшего популярной песней стихотворения И. Уткина «Типичный случай»: «Двое тихо говорили, / Расставались и корили: <...> / «Я такая!» / «Я такой!» / «Я плохая!» / «Я плохой!» (Иосиф Уткин, 1935)².

Наличие прецедентных текстов, содержащих отрицательную автохарактеристику, открывает шлюзы для использования высказываний такого рода в двух вариантах. Во-первых, это цитирование с заменой *Я* источника (*Я* лирического героя / киногероя / *Я* авторского и др.) собственным *Я* здесь и сейчас, в канонической речевой ситуации. Во-вторых, это использование в живой речи негативных автохарактеристик. Этот прием используется в поэзии с целью подчеркнуть «авторское остранение, попытку взглянуть на себя со стороны» [Шестакова, Кулева, 2025, с. 43]. Отметим, что автохарактеристики такого типа закреплены и традицией создания псевдонимов, которые восходят к синтаксической конструкции «я + адъективный предикат» [Маркасова, 2024].

Реакцию на чужую оценку в блогах мы не можем считать ни канонической, ни неканонической речевой ситуацией, поскольку язык онлайн-переписки — это сфера, пограничная между живым общением и литературой. Рассмотрим примеры:

- (1) Кто мрачный? *Я мрачный?*)))))) (2007)
- (2) Почему вы думаете, что *я мрачный?* (2006)
- (3) — Почему ты всё время такой мрачный?
— Потому что *я мрачный*... (2015)
- (4) *Я мрачный, бледный и худой*... (2013)
- (5) *Я злой, жестокий, М... по характеру... Я мрачный тип. НЕ МИЛЫЙ, Б***, НЕ МИЛЫЙ*... (2015)

² URL: <https://rustih.ru/iosif-utkin-tipichnyj-sluchaj/> (дата обращения: 01.05.2026).

Случаи (1–2) — реакция на чужую оценку, которая снимает ограничение на предикат [Гурин, 2000, с. 70]. Случай (3) более интересен: чужая характеристика совпадает с собственным видением себя. Случай (4) — цитирование стихотворения Н. Д. Ганецкого (1913), но неизвестно, знает ли автор этой автохарактеристики, что цитирует чужой текст. Последнее откровение (5) стоит максимально близко к канонической речевой ситуации и содержит собственную оценку своих качеств.

Автохарактеристики *никчемный*, *ничтожный* часто встречаются в чатах, связанных с психологической поддержкой, в рубриках «Тревога», «Депрессия», «Самооценка», «Неврозы» и т. п. [Алекперова, 2025; Симанина, б. г.]. Примеры речевого поведения такого типа распространены в практике психологов и психиатров (6):

(6) Victoria S. 17 мая Представьте: приходит ко мне женщина лет сорока пяти, вся в слезах. «Доктор, я *никчемная*, у меня ничего не получается, жизнь прошла мимо». Классика жанра. А теперь вопрос на засыпку: откуда она это знает? Кто ей сказал? (ГИКРЯ)

Попытка психотерапевта обратить внимание пациента на необходимость внешнего наблюдателя, который может быть экспертом в вопросе об уровне «глупости, никчемности, ничтожества», не работает, поскольку *Я* пациента в этом случае является и субъектом, и объектом и в этой системе нет места стороннему наблюдателю. Одним из методов избавить пациента от чувства никчемности становится совместное проговаривание положительных автохарактеристик, их запись на бумаге, многократное повторение или перечитывание (7):

(7) Я есть я. Я *самодостаточная*. Я *сильная*. Я *успешная*. Я *уникальная*. Я *красивая*. Я *любимая* (повторять утром для самонастройки в течение 30 дней). (Группа Вичат)

Такие психотерапевтические практики основаны на заполнении конструкции «я + адъективный предикат» положительными автохарактеристиками. В повседневном общении возможны разные варианты высказываний о себе, в том числе негативные:

(8) — Я к Вам подойти боялась.
— И правильно. Я *непростая*. (2013)

(9) Я *сексапильная!* И я это знаю! (2009)

(10) Я *некрасивая*. И чо? Удавиться? (2010)

Заявления о себе могут вызывать разные ответные реакции (сочувствие, поддержку, интерес) и дезавуирование (11):

(11) «Я сложная».

Микросхемы компьютерного процессора, вот это действительно сложно. А ты просто *выпендриваешься*. (<https://www.anekdot.ru/id/722039/?ysclid=mkahufxtjf465261791>)

Все приведенные примеры говорят о внимании к проживанию себя здесь-и-сейчас, но все формулы-заклинания, создаваемые в «пси-среде», нацелены на отрыв от оценки социумом. Этот тип отношения к себе поддерживается массовой культурой. Например, лирическая героиня песни «Выкаблучиваюсь» повторяет: «Я такая офигенная, и я сама решила так», в другой версии этой песни повторяется: «Я сексуальная», «Я эпатажная».

Я выпендриваюсь

Среди рассмотренных Е. В. Падучевой глаголов со стереоскопической семантикой наше внимание привлекло ограничение на 1 лицо у глаголов, «в значение которых входит отрицательная оценка субъекта некоторого действия или состояния... *Он психует* (или *Ну что ты психуешь?*) и **Я психую*; *Он повадился* и **Я повадился*, а также **Я брешу*; **Я выпендриваюсь*, **Я прикидываюсь*, **Я много о себе воображаю*; **Я дую*, **Я ворчу*, **Я брюжжжу*, **Я не почесался, чтобы ему помочь*, **Я здесь околачиваюсь*. Аномалия возникает тогда, когда компонент с отрицательной оценкой субъекта состояния или действия входит не в основное содержание лексемы, а в ее коннотацию» [Падучева, Зализняк, 1982; Падучева, 1985, с. 140].

Слово *выпендриваться* долго не включали в толковые словари русского языка. «Известный смысл, быть может, ложно понятый, их невключения в толковые словари общенародного языка заключался в ощущении того, что на этой лексике лежит печать арго, просторечия, что в общенародном языке их как бы нет и они должны фиксироваться иным путем. Деление на литературное и нелитературное абсолютно неактуально с точки зрения этимологии» [Трубачев, 1964, с. 131]. Исследователь дает следующую этимологию этого слова:

...*выпéндриваться* 'выставлять себя напоказ' (в словарях не отражено), видимо, восходит к областному **выпетриваться*, где затем было

инфигировано *-н-*, а *-тр-* перешло в *-др-* в условиях экспрессивного употребления. Форма **выпетриваться* может быть объяснена из **выпятриваться*, **выпятристь(ся)*, ср. блр. *выпетрыць* ‘выветрить, высушить’ [1], и то и другое — из исконного слав. **vy-pętriti*, собственно, ‘выставить, растянуть, расстелить на приспособлении **pętro*’. Это последнее означало ‘стояк, станина (для растяжки)’, представлено достаточно широко в ряде славянских языков и связано этимологически с **pęti*, **ryno* ‘натягивать, напяливать, пялить’ (М. Байкоў і С. Некрашэвіч. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925, стр. 68) [Трубачев, 1964, с. 132].

Слово было зафиксировано в [Кузнецов, 2000] в таких значениях: «ВЫПЕНДРИВАТЬСЯ, -аюсь, -аешься; *нсв. Разг.-сниж.* 1. Важничать, рисоваться, всеми способами стараться обратить на себя внимание; проявлять заносчивость. 2. Одеваться слишком броско, крикливо; выражаться».

На наш взгляд, нет надобности выделять второе значение: оно описывает лишь частный случай демонстративного поведения [Кисельникова, 2021]. Объединяет все значения семантика «проявлять демонстративный тип поведения», всё остальное — частные способы проявления демонстративности: вести себя высокомерно, стараться обратить на себя внимание (12–13), капризничать (14), игнорировать стандарты поведения в микрогруппе.

(12) Раньше я думал, что люди, которые много выпендриваются, крутые профессионалы и специалисты. Потом я узнал, что крутые профессионалы и специалисты вообще не *выпендриваются*. (<https://www.anekdot.ru/id/1469292/>)

(13) Милые девушки, известно, что каждая снежинка уникальная.
Но почему-то они не *выпендриваются* по этому поводу. (<https://www.anekdot.ru/id/592702/>)

(14) После того как Эдик сломал штопор, Коля — зуб, а Юра — палец, девочки перестали *выпендриваться* и стали пить водку. (<https://www.anekdot.ru/id/605363/>)

Глагол *выпендриваться* имеет множество просторечных и жаргонных синонимов (*выдельваться*, *выкаблучиваться*, *выпендрежничать*, *понтиться*, *воображать*, *выставляться* и др.). Все эти глаголы предполагают внешнюю оценку и являются интерпретирующими, что не мешает использовать их при местоимении 1-го лица ед. ч. Все они функционируют и в литературе, и в фольклоре, и в устной речи, поскольку вырос

уровень жаргонизации общения и изменилось отношение носителей языка к обозначаемому ими действию. При местоимении *я* эти глаголы возможны наравне с более грубыми синонимами *выдрючиваюсь, выёживаюсь, выё*ываюсь*. Данные ниже примеры из ГИКРЯ показывают, что авторы постов не видят препятствий для такой характеристики своих действий (15–17):

(15) Я тебя люблю, поэтому ревную и *выёживаюсь*... (ГИКРЯ)

(16) ...*выёживаюсь* и *истерю*... (2008) (ГИКРЯ)

(17) И *выёживаюсь*, получается, сам перед собой... (2012) (ГИКРЯ)

У глагола сформировалось и новое значение: ради достижения задуманного предпринимать усилия сверх меры (18–19).

(18) Я *выёживаюсь*! Всё пытаюсь там кого-то одолеть! (2017) (ГИКРЯ)

(19) Просмотрел я сегодня статистику посещений — и удивился: вроде *выёживаюсь*, пишу какие-то посты, пытаюсь показаться умным — в ответ на что... (2019) (ГИКРЯ)

Такие фразы по функции (привлечение внимания к своей персоне) близки к гиперболе в разговорной речи [Крысин, 2004]. Стратегия скромности и сдержанности ушла в прошлое, сформировалась новая стратегия самопрезентации через демонстрацию своих «сильных сторон», «общей позитивности и успешности». Не случайно этот глагол и его синонимы стали объектом комментариев, оправдывающих демонстративный тип поведения (20) и открыто о нем заявляющих (21–22):

(20) Часто веду себя таким образом с людьми. В некоторых ситуациях это защитная реакция. Иногда я так поступаю с целью спровоцировать человека. Ради интереса или из вредности. Но порой мне такое поведение приносит убытки. Смотря с кем общаюсь. Над дураками приятно посмеяться. *Все хоть раз в жизни выпендривались*...)) А вы по какому поводу?))) (<https://otvet.mail.ru/question/203376419>)

(21) Да! Просто достало! Я *Выёживаюсь*! Да, я высокомерная двуличная сука. Да! Пускай! (ГИКРЯ)

(22) я не говорю то что я святая... я тоже *выё...ываюсь*... но вроде как не когда не дерусь... но дело в том что я привыкла всё решать миром.... а не так что *выё...ываться* на каждого первого встречного..... Сами подумайте... гораздо проще просто нормально поговорить.... а не сразу драться... (Соцсети)

Возможен и другой взгляд на описываемое действие: неловкость, сомнение в адекватности такого поведения (23–24):

(23) *Я всегда выпендриваюсь* и не могу остановиться, если люди — сразу начинаю выпендриваться. (Блог психолога)

(24) *Как перестать выпендриваться? Мне кажется что я выпендриваюсь*. У меня в школе одни выпендрёжники я не хочу быть как они!

Обилие анекдотов, включающих глагол *выпендриваться* и его синонимы, говорит об актуальности демонстративного типа самопрезентации в социуме и о чувствительности темы разных типов неравенства (интеллектуального, культурного, социального, экономического). Анекдоты порождены ситуацией установления новой социальной нормы и отражают отношение носителей языка к этому процессу [Шилихина, 2020].

Симпатии рассказчика могут быть и на стороне того, кто *выпендривается* (25), и на стороне того, кто *не выпендривается* (26). Амбивалентность этой оценки, не отмеченная в работах 1980-х гг., — элемент современного дискурса. Это запечатлено в старом анекдоте о вороне, которая выпендривалась в самолете, но умела летать и осталась жива и невредима, в отличие от прочих животных, не имевших оснований вести себя так, как она. В финале все падают, кроме вороны, которая вопрошает: «Не умеете летать — нафига выпендривались?». Ворона обладает исключительной возможностью летать — это и определяет ее право выпендриваться.

(25) Интересно, только мне кажется, что слово «*выпендриваться*» — однокоренное с «VIP»? // 02.11.2024, Свежие анекдоты — основной выпуск

(26) Если ты у власти, твоя единственная обязанность — жертвовать, если не у власти — *не выпендривайся*.

Говорящий как субъект восприятия

Исследование языковых средств самоидентификации и самопрезентации как особое направление отечественной лингвистики представляет собой часть описания языковой картины мира говорящего субъекта [Лаппо, 2021], причем возникло это направление после провозглашения антропологического поворота и много позже появления в западной науке Я-проблематики и распространения в российской науке моды на изучение постулатов Грайса и максим вежливости Д. Лича. Росту популярности

этой тематики предшествовал сложный период кризиса коллективной идентичности [Павленко, Корж, 1998]. «Дисгармония между „я“ и „социальным Я“ является одной из самых распространенных причин кризиса идентичности... Мы подошли к проблеме кризиса коллективной идентичности. Его сущностью является уменьшение идентификации индивидов с коллективной реальностью, которую они прежде поддерживали. Причины этого кризиса отчасти аналогичны причинам кризисов индивидуальной идентичности. Здесь можно назвать отрицание символов, распад коллективной памяти, представленной традициями, а также утрату веры в общее будущее, дисгармонию между описательным и нормативным образами себя...» [Хёсле, 1994]. Последствием кризиса вкупе с распространением гедонистической логики поведения, нарциссизма, «беспрецедентного увлечения самопознанием и самосовершенствованием», складыванием «пси»-среды [Липовецки, 2001, с. 84] стали сдвиги в грамматике.

Неканоническая речевая ситуация давно допускает употребление этих предикатов в прямой речи. Поскольку круг общения, к которому принадлежит исследователь, ограничивает возможности его контактов с разными социальными группами, а записей устной речи за определенный период у нас нет, нет и доказательств, что это было возможно/невозможно в живой речи. Однако невозможно отменить власть дискурса, который определяет правила создания любой реплики на основе экстралингвистических факторов.

Одной своей стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации... Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или других условиях (discourse processing)... [Арутюнова, 1998, с. 136–137].

Описанные смягчения ограничений на предикат обусловлены изменениями в массовой психологии и концепциях достижения социального успеха. Это уже факт истории языка.

Заключение

Дата создания и публикации любой статьи говорит (пусть приблизительно) о научном контексте, определяющем интересы исследователя, о языке социальной микрогруппы, к которой принадлежит ученый, и о состоянии описываемого материала. Выводы и наблюдения, сделанные в 80-е гг., не теряют ценности, становясь фактом истории лингвистической мысли.

Прошло почти пятьдесят лет с момента описания предикатов «мрачная» и «выпендриваюсь» при местоимении *я*. Изменения, происходящие в *Я*-сфере, повлияли на состав предикатов при местоимении *я*, а конкретнее — на те случаи, которые были описаны лингвистами как аномалия. Эти описания аномалий были созданы до того, как в смежных областях знания появилась тенденция описывать разные аспекты процесса самоидентификации, в обществе возникла риторика успешности и позитива, мода на психологические услуги, признание множественной идентичности.

Живой процесс, происходящий с предикатами при местоимении, обусловлен распространением самонаблюдения как самолюбования, изменениями представлений о скромности как о норме поведения, сдвигами в восприятии своего «Я», верой в его совершенствование и обретение «лучшей версии себя». Вероятно, возникшее на этой основе восприятие демонстративного поведения как нормального и естественного ослабило ограничения на предикат.

Список литературы

Алекперова И. С. Я никчемный: как справиться с чувством ненужности // Сайт психологов В17.ru. 2025. URL: https://www.b17.ru/article/ya_nikchemnyu_kak_spravitsya_s_chuvstvom_nenuzhnosti/?ysclid=mkat15dq8f579980924 (дата обращения: 01.05.2026).

Аникин А. Н. Социально-психологическое содержание Образа-Я // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 6А. С. 119–132. DOI 10.34670/AR.2021.70.79.013.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. 286 с.

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 1998. 688 с. С. 136–137.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI. С. 238–250.

Вольф Е. М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 320–339.

Гурин Г. Б. Глаголы с неполной личной парадигмой в современном русском литературном языке: на материале словарей: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2000.

Кисельникова Н. В. Почему люди выпендриваются? О желании следовать моде и получить социальное признание // ПостНаука. 20.04.2021. URL: <https://postnauka.org/questions/156350> (дата обращения: 01.05.2026).

Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи // Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 244–261.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Курицын В. Н. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. 288 с. URL: <https://djvu.online/file/I6VDekVC4qjRw> (дата обращения: 05.05.2026).

Лаппо М. А. Самоидентификационный дискурс в зеркале речевой культуры и жанров автобиографической прозы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. 196 с.

Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 544 с.

Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Пер. с фр. В. В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.

Маркасова Е. В. Бездомный, Голодный и Ясный: революционные псевдонимы и конструкция «Я + адъективный предикат» // Chinese Journal of Slavic Studies. 2024. Т. 4. № 2. С. 267–283. DOI 10.1515/cjss-2024-0018.

Маркасова Е. В. «Я несчастный, но живой»: адъективный предикат при местоимении я // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82. С. 103–117. DOI: 10.17223/19986645/82/6.

Михайловский А. В. (ред). Субъективность и идентичность / Отв. ред. А. В. Михайловский. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. 364 с.

Норман Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2017. 464 с.

Павленко В. Н., Корж Н. Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 75–89.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. 272 с.

Падучева Е. В. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица: говорящий и наблюдатель // Славянское языкознание: XIV Международный съезд славистов, Охрид, 10–16 сентября 2008 г.: доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. 576 с. С. 372–395.

Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.

Падучева Е. В., Зализняк Анна А. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица // *Finitis duodecim lustris*: сб. статей к 60-летию профессора Ю. М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1982. С. 142–148.

Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. Институт лингвистических исследований РАН. М.: Издательский дом ЯСК, 2013. 512 с.

Симакина Н. Н. Я глупый и некрасивый. Негативные самооценки // Сайт психологов В17.ru. URL: https://www.b17.ru/article/ya_glupyy_ili_nekrasivyy_negativnye_samoocenki (дата обращения: 01.05.2026).

Трубачев О. Н. Этимологические мелочи (1. выпендриваться, 2. гримза, 3. драндулет, 4. в пику, 5. стуколка, 6. фифа, 7. шкет) // Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования. М.: Наука, 1965 (переплет 1964). С. 131–134.

Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123. URL: <https://root.elima.ru/texts/?id=517> (дата обращения: 05.05.2026).

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Местоимение «Я» в поэтическом языке Серебряного века по данным сводного авторского словаря // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 28–54. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-28-54.

Шилихина К. М. Категоризирующая функция анекдотов в медиадискурсе // Медиалингвистика. 2020. № 7 (2). С. 250–262. DOI 10.21638/spbu.22.2020.208

References

Alekperova I. S. Ya nikchemnyi: kak spravit'sya s chuvstvom nenuzhnosti [I am worthless: how to cope with the feeling of uselessness]. B17.ru Psychologists Website, 2025. URL: https://www.b17.ru/article/ya_nikchemnyy_kak_spravitsya_s_chuvstvom_nenuzhnosti/?ysclid=mkat15dq8f579980924 (accessed 01.05.2026). (in Russ.)

Anikin A. N. Sotsial'no-psikhologicheskoe sodержanie Obraza-Ya [Socio-psychological content of the self-image]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical reviews and contemporary research], 2021, vol. 10, no. 6A, pp. 119–132. (in Russ.) DOI 10.34670/AR.2021.70.79.013.

Apresyan Yu. D. Leksicheskaya semantika [Lexical semantics]. Moscow, Nauka, 1974. (in Russ.)

Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse]. In: *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistics. A large encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaya ros. encikl., 1998. 688 p. Pp. 136–137. (in Russ.)

Gurin G. B. Glagoly s nepolnoi lichnoi paradigmoi v sovremennom russkom literaturnom yazyke: na materiale slovarei [Verbs with an incomplete personal paradigm in the modern Russian literary language: based on dictionary materials]. Cand. of Sci. (Philol.) diss. Petrozavodsk, 2000. (in Russ.)

Hösle V. Krizis individual'noi i kollektivnoi identichnosti [Crisis of individual and collective identity]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1994, no. 10, pp. 112–123. URL: <https://root.elima.ru/texts/?id=517> (дата обращения: 05.05.2026). (in Russ.)

Kiselnikova N. V. Pochemu lyudi vypendrivayutsya? O zhelanii sledovat' mode i poluchit' sotsial'noe priznanie [Why do people show off? About the desire to follow fashion and gain social recognition]. *PostNauka*, 20.04.2021. URL: <https://postnauka.org/questions/156350> (accessed 01.05.2026). (in Russ.)

Krysin L. P. Giperbola v russkoj razgovornoj rechi [Hyperbole in Russian colloquial speech]. In: *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike* [Russian word, one's own and another's: research on modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, 2004. Pp. 244–261. (in Russ.)

Kuricyn V. N. Russkij literaturnyi postmodernizm. [Russian literary post-modernism]. Moscow, OGI, 2000. 288 p. URL: <https://djvu.online/file/I6VDekVC4qjRw> (accessed 05.05.2026). (in Russ.)

Kuznetsov S. A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The comprehensive explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint, 2000. 1536 p. (in Russ.)

Lappo M. A. Samoidentifikatsionnyi diskurs v zerkale rechevoi kul'tury i zhanrov avtobiograficheskoi prozy [Self-identification discourse in the mirror of speech culture and genres of autobiographical prose]. Novosibirsk, NGPU Press, 2021. 196 p. (in Russ.)

Leonhard K. Aktsentuirovannye lichnosti [Accentuated personalities]. Rostov on Don, Feniks, 2000. 544 p. (in Russ.)

Lipovetsky G. Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme [The age of emptiness. An essay on modern individualism]. Transl. by V. V. Kuznetsov. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2001. 336 p.

Markasova E. V. Bezdomnyi, Golodnyi i Yasnyi: revolyutsionnye psevdonimy i konstruktsiya «Ya + ad'ektivnyi predikat» [Bezdomny, Golodny, and Yasny: Revolutionary pseudonyms and the construction “I + Adjective Predicate”]. *Chinese Journal of Slavic Studies*, 2024, vol. 4, no. 2, pp. 267–283. (in Russ.) DOI 10.1515/cjss-2024-0018.

Markasova E. V. «Ya neschastnyj, no zhivoj»: ad'ektivnyj predikat pri mestoimenii ya [“I am unhappy, but alive”: the adjectival predicate for the pronoun “I”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2023, no. 82, pp. 103–117. (in Russ.) DOI: 10.17223/19986645/82/6.

Norman B. Yu. Pragmaticheskii potentsial russkoi leksiki i grammatiki [The pragmatic potential of Russian vocabulary and grammar]. Ekaterinburg; Moscow, Kabinetnyi Uchenyi, 2017. 464 p. (in Russ.)

Paducheva E. V. Egotsentricheskie valentnosti i dekonstruktsiia govoriashchego [Egocentric valences and deconstruction of the speaker]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues in Linguistics], 2011, no. 3, pp. 3–18. (in Russ.)

Paducheva E. V. Semanticheskie yavleniya v vyskazyvaniyakh ot 1-go litsa: Govoriashchii i nablyudatel' [Semantic phenomena in first-person utterances: Speaker and Observer]. In: *Slavyanskoe yazykoznanie: XIV Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov, Ohrid, 10–16 sentyabrya 2008 g.: doklady rossijskoj delegacii* [Slavic Philology: The 14th International Congress of Slavists, Ohrid, North

Macedonia, September 10–16, 2008: the reports of the Russian delegation]. Moscow, Indrik, 2008. 576 p. Pp. 372–395. (in Russ.)

Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii [Utterance and its relationship with reality: referential aspects of semantics of pronouns]. Moscow, Nauka, 1985. 272 p. (in Russ.)

Paducheva E. V., Zaliznyak Anna A. Semanticheskie yavleniya v vyskazyvaniyakh ot 1-go litsa [Semantic phenomena in first-person utterances]. In: Finitis duodecim lustris: sbornik statei k 60-letiyu professora Yu. M. Lotmana [Finitis duodecim lustris: collection of articles for the 60th anniversary of Professor Yu. M. Lotman]. Tallinn, Eesti raamat, 1982. Pp. 142–148. (in Russ.)

Pavlenko V. N., Korzh N. N. Transformatsiya sotsial'noi identichnosti v posttotalitarnom obshchestve [Transformation of social identity in a post-totalitarian society]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1998, vol. 19, no. 1, pp. 75–89. (in Russ.)

Problemy funktsional'noi grammatiki: Printsip estestvennoi klassifikatsii [Problems of Functional Grammar: the principle of natural classification]. Ed. by A. V. Bondarko and V. V. Kazakovskaya. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2013. 512 p.

Shestakova L. L., Kuleva A. S. Mestoimienie «Ya» v poeticheskom yazyke Serebryanogo veka po dannym svodnogo avtorskogo slovarya [The pronoun “I” in the poetic language of the Silver Age according to the Consolidated author dictionary]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 28–54. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-28-54.

Shilikhina K. M. Categorizing function of canned jokes in mass media texts. *Media Linguistics*, 2020, no. 7 (2), pp. 250–262. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu22.2020.208.

Simakina N. N. Ya glupy i nekrasivyi. Negativnye samoocenki [I am stupid and ugly. Negative self-assessments]. B17.ru Psychologists Website. URL: https://www.b17.ru/article/ya_gluppy_ili_nekrasivyy_negativnye_samoocenki (accessed 01.05.2026). (in Russ.)

Sub'ektivnost' i identichnost' [Subjectivity and identity]. Ed. by A. V. Mikhailovskii. Moscow, HSE Press, 2012. 364 p. (in Russ.)

Trubachev O. N. Etimologicheskie melochi (1. vypendrivat'sia, 2. grymza, 3. drandulet, 4. v piku, 5. stukolka, 6. fifa, 7. shket) [Etymological trifles (1. Vypendrivat'sia, 2. Grymza, 3. Drandulet, 4. V Piku, 5. Stukolka, 6. Fifa, 7. Shket)]. In: Etimologiya. Printsipy rekonstruktsii i metodika issledovaniya

[Etymology. Principles of reconstruction and research methods]. Moscow, Nauka, 1965 (book cover 1964). Pp. 131–134. (in Russ.)

Vendler Z. Illokutivnoe samoubiistvo [Illocutionary suicide]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVI: Lingvisticheskaya pragmatika* [New in foreign Linguistics. Iss. XVI: Linguistic pragmatics]. Moscow, Progress, 1985, pp. 238–250. (in Russ.)

Vol'f, E. M. Sostoianiya i priznaki. Otsenki sostoianii [States and indicators. Evaluations of states]. In: *Semanticheskiye tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow, Nauka, 1982. Pp. 320–339. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Валерьевна Маркасова, доктор филологических наук, доцент, доцент факультета русского языка и литературы

Information about the Author

Elena V. Markasova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Faculty of Russian Language and Literature

*Статья поступила в редакцию 12.01.2026;
одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 14.05.2026
The article was submitted on 12.01.2026;
approved after reviewing on 05.02.2026; accepted for publication on 14.05.2026*